

Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Ред. Ю. Шлюмбом, М. Хагнер, И. Сироткина. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2008. 304 с.

Предлагаемый читателю сборник переводов завершает собой серию публикаций, осуществленных российско-германской группой историков (Д. А. Александров, М. М. Кром, Т. Зоколл, М. Хагнер и Ю. Шлюмбом). Как и четвертый том этой серии («Наука и научность»), данное издание, безусловно, будет интересно читателям ВИЕТ. Нужда в подобной книге ощущалась уже давно: исследователи, работающие на стыке истории науки, истории, медицины и социальной истории прекрасно осведомлены о катастрофическом дефиците русскоязычных работ по данной проблематике. В этом смысле новое издание не просто заполняет досадный пробел в этой обширной области, но и дает ясное понимание того, что в ней сделано на Западе к настоящему времени.

Вводная статья, открывающая том и подготовленная Ю. Шлюмбом, М. Хагнером и И. Е. Сироткиной, содержит краткий обзор тенденций развития современной медицинской истории и ее перспектив. Редакторы сборника показывают, что на протяжении XIX в. и большей части XX в. медицинская история «больше походила на эпос» (с. 9), повествующий о выдающихся врачах, научных открытиях и техническом прогрессе. В 1970-е гг. на Западе начался поворот в сторону социальной истории медицины, выразившийся в растущем интересе ис-

следователей к проблемам пациентов, их взглядам на здоровье и болезнь, повседневным представлениям о теле, чистоте, здоровом образе жизни и эффективном лечении. Кроме того, в поле их зрения наряду с официальной медициной попали альтернативные, в том числе народные методы лечения. Этот поворот был также обусловлен и тем обстоятельством, что наряду с самими медиками, которые традиционно работали над историко-медицинскими проблемами, в работу, наконец, включились гражданские историки, долгое время державшиеся в стороне от данных вопросов. Краткий обзор ситуации в современной российской истории медицины показывает, что здесь подобные изменения еще только назревают. К числу многочисленных работ, подготовленных историками медицины в советский период, за последние годы добавилось крайне мало новых исследований. Тем актуальнее видится задача активизировать работу в этом направлении. Справедливо отмечается также, что «большой корпус западной литературы по истории медицины, которая давно уже стала классикой и вошла в стандартные списки для чтения по предмету, у нас недоступен: оригиналы этих книг редко имеются даже в центральных библиотеках, а на русский язык вообще не переведены» (с. 32).

Перед редакторами тома стояла непростая задача не только отобрать

для него наиболее качественные тексты, но и добиться, чтобы у читателя сложилось наиболее полное представление о современном состоянии западной медицинской истории. Отрадно, что с этой задачей им справиться удалось. В данном случае не получилось выдержать абсолютное тематическое единообразие, давно уже ставшее нормой для большинства сборников или журнальных выпусков по истории медицины, выходящих на Западе. Зато читателю получили шанс узнать одновременно об истории гомотопии и родовспоможения, о психиатрии на фронтах Первой мировой войны и о медицинских экспериментах нацистов, о колониальной медицине и роли таких средств, как стетоскоп и компьютерная томография. К сожалению, объем тома, не позволил расширить этот перечень.

Открывает том статья крупнейшего британского историка Р. Портера «Взгляд пациента. История медицины “снизу”». Портер – автор огромного числа книг по истории науки, истории медицины и социальной истории, но именно эта статья, впервые вышедшая еще в 1985 г., может служить лучшим введением, как к его творчеству, так и к разговору о повороте от традиционной «эпической» медицинской истории к современной социальной истории медицины. Превосходный знаток XVII и XVIII вв., Портер показывает, что на английском рынке медицинских услуг того времени дипломированные медики вовсе не были господствующей группой – за доступ к пациенту им приходилось конкурировать с другими многочисленными врачевателями. Отсюда характерная свобода выбора у пациента XVIII в., заметно сократившаяся в последние два столетия – эпоху преобладания

научной медицины. Английские пациенты, которые широко прибегали и к самолечению, активно пытались осмыслить свой личный опыт болезни. Обращаясь к их переписке и мемуарам, Портер напоминает о том, что медицинская история будет неполной без этой истории самих больных. В своей статье он набрасывает ее идеальную модель, включающую анализ материальных условий жизни сообществ былых времен, картография опыта, систем верований и образов мысли людей разных классов, выяснение популярных представлений о болезни, изучение поведенческих реакций на болезнь и мотивов выбора на медицинском рынке (с. 58–63). Он также обсуждает интересную проблему соотношения воли врача и воли пациента, взаимодействующих, а часто и противодействующих на этом рынке в вопросе выбора типа лечения и цены за него (с. 63–69). Ключевая мысль Портера проста. Вслед за новой социальной историей и исторической антропологией, которые освободили из «подвалов истории» целую армию забытых персонажей, социальная история медицины должна сделать аналогичный шаг и вернуть в историю пациентов, чтобы стать объективной. Это, кроме прочего, позволит избежать крайностей интерпретации, порожденных отчасти работами М. Фуко и И. Иллича, для которых современная история общества была историей его медиализации. «Народная история здоровья явит нашим глазам нечто куда менее монолитное» (с. 72).

Ю. Шлюмбом из гёттингенского Института истории Общества им. Макса Планка, известный своими работами по социальной и культурной истории Нового времени, представлен в сборнике статьей «“Беременные на-

ходятся здесь для нужд учебного заведения». Родовспомогательная больница Гёттингенского университета в середине XVIII – начале XIX вв.» Она была написана специально для сборника на основе его двух более ранних публикаций 2001 и 2004 гг. Статья Шлюмбома – прекрасный пример четко структурированного исследования. Автор напоминает о том, что в традиционной истории медицины значение родовспомогательных больниц связывалось с превращением акушерского дела в науку. В феминистской и критической историографии они стали трактоваться как инструмент, с помощью которого врачи-мужчины подчинили рожениц медицинской дисциплине и вытеснили женщин-акушеров с позиции экспертов. В данной статье представлена попытка преодолеть такой «черно-белый взгляд» (с. 74). Гёттингенская больница – первая в мире университетская клиника акушерского профиля. В Германии, где акушерство стало элементом университетской подготовки медиков, такие больницы с самого начала были призваны не только предоставлять помощь роженицам, но и служить образовательным целям. Их пациентками в рассматриваемую эпоху чаще всего были женщины низкого социального статуса. Родильный дом в Гёттингене стал местом, где акушерство превратилось в мужскую медицинскую специальность, что было достигнуто как за счет формального подчинения акушеров власти доктора – руководителя больницы, так и за счет применения так называемых новых методов родовспоможения, в частности, использования акушерских щипцов. Но, замечает автор, пациенткам все же нередко удавалось ускользнуть от мелочного административно-ме-

дицинского контроля – например, направляясь в операционную тогда, когда студенты-медики в больнице отсутствовали, а доктор не успевал воспользоваться хирургическими инструментами. Завершая статью рядом весьма поучительных выводов, автор констатирует, что хотя учреждения, подобные гёттингенской клинике, и имели на своем счету «множество разных достижений, к числу таковых не относится снижение смертности рожениц в больницах» (с. 103).

Работы Й. Лахмунда из Маастрихтского университета представлены статьей 1992 г. «Изобретение слушающей медицины. К исторической социологии стетоскопии». Следуя некоторым выводам из книги Фуко «Рождение клиники», он предлагает еще один взгляд на то, как формировалась западная клиническая медицина. Первое использование в 1818 г. Р. Леннеком метода «опосредованной аускультации» с помощью стетоскопа дало врачам, по мысли автора, не только ценный метод диагностики, но и важный символ их профессии. Большая часть XIX в. прошла под знаком внедрения нового метода, которому, как выяснил автор, оказывали сопротивление многие доктора старой школы. Тем не менее, стетоскопия все же была принята медицинским сообществом. С ее помощью врачам удалось перейти от малоэффективной практики «расспросов больного», характерной для так называемой «надомной медицины», к более результативной и экономной стратегии выслушивания организма больного, подходящей как раз для клиники с ее избытком схожих случаев болезни. Не один десяток лет ушел на то, чтобы медики достигли консенсуса относительно интерпретации получаемых с помощью стетоскопа данных, но

когда это произошло, в медицинской практике утвердился способ описания тела, независимый от самоотчета пациента. Возможно, полагает автор, в настоящее время «история звука в медицине подходит к концу», однако лежащие в основе ее культурные принципы более долговечны (с. 136).

Еще одна статья о «техниках репрезентации» в медицине – «Разум за работой. Визуальная репрезентация церебральных процессов» подготовлена М. Хагнером из Цюрихской высшей технической школы. Автор излагает историю медицинских изображений мозга – от френологии первой половины XIX в. до компьютерной томографии нашего времени – и ставит вопрос о том, как эти изображения влияют на научные и популярные представления о человеке. По его мысли, морфологические и функциональные визуализации мозга постепенно становились достоянием современной культуры, однако каждый новый прорыв в технологиях репрезентации сопровождался отказом от прежних моделей. К началу XXI в. в связи с бурным ростом компьютерных технологий произошел очередной разрыв с прошлым. «Глубинные скважины, которые бурили в сознании человека прежние подходы, [...] сменяются поверхностным взглядом [...]. Тем самым понимание человека скатилось к выпячиванию материальных форм репрезентации» (с. 166). Остается добавить, что внимательный читатель сможет найти в этой статье богатый и поучительный материал об истории взаимоотношений наук о мозге, медицинского знания и новых технологий.

Британский историк Д. Арнольд из университета Уорика – ведущий специалист по истории науки, медицины и окружающей среды в Южной Азии.

В сборнике опубликована его статья 1994 г. «Государственное здравоохранение и государственная власть: медицина и гегемония в колониальной Индии». В ней он предлагает новое прочтение истории британского колониализма в Индии, опирающееся на более позднюю марксистскую концепцию гегемонии, разработанную А. Грамши. Отсюда его вывод о том, что британское владычество в Индии основывалось не столько на грубой силе, сколько на более тонких механизмах контроля и сотрудничества с местными элитами. К числу этих механизмов относилась и созданная британцами система здравоохранения. Первоначально она предназначалась исключительно для защиты здоровья самих британцев, но постепенно была распространена и на некоторые группы местного населения. Впрочем, большинство индийцев, как правило, отказывалось пользоваться услугами западных докторов, рассматривая такую медицинскую помощь как еще одну форму британского владычества. К концу XIX в., когда Индию поразила сильнейшая эпидемия чумы, медицинская помощь населению, несомненно, должна была бы быть расширена. Однако этого не произошло. Британская система здравоохранения работала избирательно и, в сущности, малоэффективно. Как следствие этого – колоссальные потери от болезней среди индийцев и критика британской политики «небрежения» (с. 195), которая в последующем развернулась в кругах новой индийской политической элиты, первой приобщившейся к медицинскому обслуживанию западного образца.

В статье «Рационализация “народной медицины” в Германии в межвоенный период: вера, бизнес и наука у “*Dr. Madaus & Co.*”» (впервые опубликовано в журнале *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*, 1994 г.) автор рассматривает историю развития народной медицины в Германии в межвоенный период. Он анализирует, как вера, бизнес и наука взаимодействовали в этот период, используя в качестве примера деятельность компании *Dr. Madaus & Co.*

ликована в 2001 г.) К. Тиммерман из Манчестерского университета утверждает, что в эпоху Веймарской республики народная медицина «прошла свой собственный процесс рационализации». Важную роль в нем сыграли некоторые медико-фармацевтические фирмы, такие, как *Dr. Madaus & Co.* (с. 203). История семейного предприятия Мадаусов, уходящая корнями в XIX в., демонстрирует, как путем создания и расширения рынка народных лечебных средств самолечение превратилось в бизнес. Автор также анализирует, как конфликты вокруг «народной медицины», чуть не расколовшие немецкое врачебное сообщество первой трети XX в., и опыт продажи альтернативных лечебных средств способствовали формированию особой системы знаний, которую некоторые из ее основоположников назвали «биологической медициной». Читатели статьи найдут в ней не только массу малоизвестных фактов по истории альтернативной медицины в Германии, но и многочисленные аналогии с современной ситуацией на рынке медико-фармакологических услуг, когда «продвинутые» знания и технологии искусно соединяются с самыми архаическими представлениями о лекарственных препаратах. Не менее интересен будет и вопрос о том, как разные политические силы Германии – от либералов до фашистов – восприняли эту модернизированную «народную медицину» в контексте активных дебатов о «кризисе медицины» (с. 228).

«Интерпретация психической «нормы» и контроль над ней: психиатрия в условиях Первой мировой войны и Веймарской республики» (в оригинале опубликована в 1999 г.) – название статьи Д. Кауфман из Бременского университета. В ней об-

суждается история трансформации психиатрических представлений и практик под влиянием военных действий. «Великая бойня» 1914–1918 гг. велась с использованием современных средств массового уничтожения, и военнослужащие – особенно на Западном фронте – впервые столкнулись с ситуацией, когда они ничего не могли противопоставить яростной силе «стальных гроз». В результате многие из них – как простые солдаты, так и офицеры – вновь и вновь переживали серьезные душевные расстройства. Германия оказалась той страной, где для решения этих проблем и, прежде всего, для возвращения военнослужащих на позиции широко использовалась психиатрическая помощь. Как показывает автор, многие из методов были жестокими. Так, электрический шок был призван освободить солдат от «военного невроза», а гипноз – дать офицерам шанс побороть свою «депрессию» и «нервное истощение». Однако такие методы обычно были неэффективными и в самом конце войны стали дополняться психоаналитическими приемами. Впрочем, ни то, ни другое не повлияло на распространенное среди фронтовиков мнение о том, что за нервными срывами скрывается пресловутая трусость, а психиатры играют роль не столько врачей, сколько заградительных отрядов, действующих в интересах высшего командования. Несмотря на все это, считает автор, «осмысление психиатрами опыта войны сыграло роль культурной матрицы, т. е. схемы для разделения нормы и патологии». Эта схема, бытовавшая в Веймарский период, «повлияла на размывание принципов гуманизма», став «выражением кризиса, охватившего буржуазное общество в Германии в первой

трети XX столетия» (с. 259). Статья проливает свет и на другие вопросы интеллектуальной и культурной истории европейской психиатрии, в том числе, на ситуацию с диагностикой истерии и взаимоотношениями между «естественно-научным» и «гуманитарным» направлениями в психиатрическом знании.

Работы П. Вайдлинга, известного специалиста по истории немецкой медико-биологической науки из Оксфорда, представлены статьей «Тиф, паразиты и поиски вакцины в годы Второй мировой войны». Она является вариантом главы из его книги «Эпидемии и геноцид в Восточной Европе, 1890–1945», опубликованной в 2000 г. Эта статья – ценный критический комментарий к истории медицины в нацистской Германии; в частности, речь в ней идет о поисках средств профилактики тифа. В начале XX в. европейское общественное сознание, усвоившее новые идеи бактериологии, рассматривало сыпной тиф как угрозу цивилизации, исходящую «от варваров с азиатских окраин» (с. 264). Германские власти были остро заинтересованы в производстве противотифозной вакцины. Для решения этой задачи они активно привлекали военнопленных специа-

листов, а также использовали узников концлагерей в медицинских экспериментах (которые не ограничивались только тифом). Русским, еврейским и польским пленным специалистам, работавшим в лабораториях Освенцима и Бухенвальда, в отдельных случаях удавалось не только успешно вести исследования (результаты которых они не обязательно сообщали нацистским властям), но и оказывать помощь узникам этих лагерей. Статья, написанная на основе богатых данных из германских архивов, проливает свет на многие малоизвестные страницы истории медико-биологического знания времен Второй мировой войны и может считаться образцом для выполнения новых исследований в этой области.

Остается сказать, что этот сборник переводов, вышедший тиражом всего в тысячу экземпляров, заслуживает внимания не только специалистов, но широкой университетской аудитории, в особенности преподавателей и студентов, разбирающих различные сюжеты современной социальной, интеллектуальной и медицинской истории. Уже очень скоро он, несомненно, станет библиографической редкостью.

Д. В. Михель

Гамбурцев Г. А. Научное наследие. Малоизвестные работы и материалы из архива. М.: Наука, 2007. 298 с.

Академик Григорий Александрович Гамбурцев (1903–1955) по праву считается одним из создателей отечественной геофизики. С его именем связано становление многих геофизических методов исследования Земли, разведки полезных ископаемых (в том числе нефти, газа, урановых руд), конструирования и производства сейсми-

ческой аппаратуры. В 1949–1955 гг. он был директором Геофизического института АН СССР (ГЕОФИАН) – головного научного геофизического центра страны, который организовал в 1946 г. академик О. Ю. Шмидт, объединив Сейсмологический институт и Институт теоретической геофизики (ИТГ).